

РОМАНТИКА ДРУЖБЫ В ЛИРИКЕ ПУШКИНА

Пушкинский, как и карамзинский взгляд на дружбу имеет одну общую существенную предпосылку — предромантическое представление о безусловной ценности человеческой индивидуальности и вытекающую из него мысль о противопоставленности официальных социальных объединений людей (в сфере государственных установлений) особым союзам людей, которые имеют в своем основании личные симпатии, привязанности, родственные отношения. Дружба как феномен лирического переживания стала осознаваться в результате возникновения нового мироотношения, когда стремление людей к единству обусловлено не их кастовой или сословной отнесенностью, а сходством индивидуальных взаимопривязанностей на почве близости душевных симпатий, чувств, аффектов и эмоций. Именно Руссо провозгласил дружбу как “самый священный из всех договоров, заключаемых между людьми”¹.

Первым, кто последовательно утвердил культ дружбы в русской поэзии, был Карамзин, для которого дружба — главная ценность в жизни, имеющая непреходящее значение. Ее не могут заменить ни слава, ни деньги, ни чины, поскольку она своеобразный “дар небес”. Дружба дается человеку свыше, ее нельзя приобрести ни за какие заслуги.

Пушкин только в 20-е годы пришел к романтической трактовке чувства дружбы, до 1817 г. раскрытие этой темы во многом определяется как карамзинской, так и эпикурейско-анакреонтической традицией.

Дружеское послание Карамзина стало истоком многих литературных традиций первой половины XIX века, поскольку это был смешанный жанр — беседа о литературе, о формах и смысле поэтического уединения, о вдохновенном досуге. Благодаря этому обстоятельству лирический субъект стал более самостоятельным, чем это было у классицистов. Говоря о непосредственном, повседневном сентименталист вынужден был ориентироваться на норму,

которая обращена к чувствам, к внутреннему миру. Поэтому хотя норма оставалась своеобразным “маяком” для поэта, она теряла свой абсолютный характер, внеличностные ценности подвергались медленному разрушению, и сама норма все более и более становилась относительной.

Пушкинский идеал лицейского братства во многих своих компонентах есть развитие и обогащение карамзинского идеала дружеского сообщества душевно преданных людей одного возраста. Категория душевного участия, столь часто встречающаяся у Пушкина, имеет своим несомненным истоком поэзию Карамзина.

Под воздействием Батюшкова и “легкой поэзии” у Пушкина-лицейста складывается идеал эпикурейской дружбы философов-мудрецов, который противопоставляется, во-первых, карамзинистскому идеалу тихой дружбы “нежных” друзей, а во-вторых, светской условной дружбе-приятельству.

Идеал дружбы, сложившийся в поэзии Пушкина-лицейста, не был однородным. Два направления, по которым он формировался: первое — понимание дружбы как творческого поэтического союза, второе — понимание дружбы как лицейского братства, как товарищеского единства. Основу дружеского союза Пушкин в большинстве случаев видит в общей заинтересованности поэзией, выражающейся как в полном единомыслии друзей, так и в их спорах между собой, между учителем и учеником. Поэтому часто тема поэзии и тема дружбы тесно переплетены, и толкование одной исходит из толкования другой. Такое понимание сложилось уже в 1814 — 1815 годах в посланиях к Дельвигу, Батюшкову, Галичу, Кошанскому.

На первом этапе только в послании к Пушкину возникает осознание дружбы как братства, товарищеского единства, а ощущение святости лицейских уз возникает позднее, законченное же оформление оно получит в цикле лицейских годовщин (1825—1836 гг.).

В лицейский период Пушкин предлагает свое понимание соотношения дружбы и любви. Если в начале дружба расценивается им как высшее счастье в жизни, то в 1816 — 1817 годах тема любви оказывается более сильной. Поэт приходит к выводу, что любовная страсть сильнее дружбы, разрушает дружеские отношения: познавшего любовь больше не удовлетворяет приятельская дружба и не приносит утешения. По-эпикурейски разрешается вопрос о соотношении дружбы и смерти: дружба побеждает смерть, она сильнее (“Мое завещание”, 1815).

Участие Пушкина в обществе “Арзамас” придало пониманию дружбы как творческого союза более основательный и прочный характер. Непосредственно к понятию лицейского

братства примыкает понятие “лицейского духа”, то есть тех эстетических начал, которые были заложены всей обстановкой в сознание воспитанников первого выпуска. Неслучайно, что в донесении Ф.Булгарина “Нечто о Царскосельском Лицее” корни этого “духа” возводятся к “Арзамасу”: “После войны с французами образовалось общество “Арзамас”. Оно было ни литературное, ни политическое, в тесном значении сих слов, но в настоящем своем клонилось и к той, и к другой цели. Арзамасское общество без умысла принесло вред особенно Лицею. Вскоре это общество сообщило свой дух большей части юношества, и, покровительствуя Пушкина и других лицейских юношей, раздуло без умысла искры и превратило их в пламень”².

Здесь содержится правильная догадка о том, что лицейский дух легко превратился в свободолюбивый (“знание наизусть или сочинение эпиграмм, пасквилей или песен предосудительных на русском языке”³), а лицейское братство некоторых из первых выпускников, кроме святых уз товарищества, будет скреплено и узам политического единомыслия. Так тема дружбы в лирике Пушкина постепенно получит новое наполнение: “дружба как форма политического единомыслия”, столь характерное для Рылевса и Кюхельбекера.

Несомненно, что на формирование пушкинских представлений о святости как главном качестве дружбы повлияли и работы античных мыслителей, которые были предметом его изучения: важные положения об особом статусе дружбы в человеческом общении высказывали Аристотель, Цицерон. Последний в специальном трактате “Лелий” подготавливал предромантическую версию дружбы: “Кажется мне, дружба происходит скорее от самой природы, чем от нужды, больше в силу склонности души любить, испытывая при этом известного рода чувства, чем из расчета, сколько пользы принесет она. Что касается правил дружбы, то я могу вам только посоветовать предпочитать дружбу всем явлениям человеческой жизни; нет ничего столь подходящего к естественным принципам, столь удобного для счастливых или несчастных случаев жизни... за исключением мудрости, я не знаю едва ли что-нибудь лучшее дано богами человеку”⁴. Пушкин, как известно, читал римских авторов в подлиннике. Н.Ф.Кошанский, доктор философии, лицейский наставник поэта в российской словесности, создал в 1817 г. учебник “Ручная книга древней классической словесности”, в своих лекциях он использовал необходимые материалы из этой книги. Пушкин усваивал мудрость древних авторов и по этому учебнику, возможно, ему были известны и эти строки Цицерона.

Раскрытие темы дружбы в поэзии Пушкина до 1817 года во многом определялось традициями “легкой поэзии”, но и непосредственные реальные впечатления нашли отражение в посланиях Ни-

колаю Ломоносову, Юдину, в "Городке". Анакреонтический тип прославления дружбы последовательно воплощается в послании Галичу (1815), в "Пирующих студентах".

В Петербургский период тема дружбы обогащается двумя новыми тенденциями — это представление о дружбе, в основе которой лежат интересы политического вольнолюбия. Так в послании к Чаадаеву 1818 года дружба осознана как политический союз единомышленников. Дружба как союз поэтических индивидуальностей утверждается в послании Жуковскому 1819 года.

Однако в посланиях ко многим товарищам по "Зеленой лампе" Пушкин продолжает развивать возникший еще в Лицее эпикурейский идеал дружбы как тесного товарищеского круга мудрецов-философов. Идеал же лицейского братства остается в стороне.

Тема дружбы как союза политического наиболее полно раскрыта в послании Чаадаеву. Декабристский идеал дружбы приравнивает личные чувства к гражданским, поскольку их объединяет общая любовь к отчизне. И в представлении декабристских поэтов дружба в ее идеальном проявлении есть гражданское братство борцов за общее дело. Кроме общности политических симпатий Пушкин обнаруживает в Чаадаеве те черты, которые должен иметь истинный друг: откровенность в беседах, умение активно мыслить и остро спорить, быть честным. Именно эти качества друга имели для Пушкина решающее значение, когда он обращается к нему с пламенным призывом посвятить "души прекрасные порывы" отчизне. Прекрасный идеал дружбы личностен не менее, чем гражданственен. Не случайно в Чаадаеве Пушкина привлекают гражданские свойства личности: в стихотворении "К портрету Чаадаева" (1817 — 1820) он сравнивает друга с республиканским деятелем Брутом в Риме и сторонником демократии Периклом в Афинах. Ум и способности Чаадаева находятся в оковах "службы царской". Когда же "оковы рухнут", то способности друга будут служить делу торжества свободы.

В многочисленных пушкинских посланиях 1819 года обнаруживается тесное переплетение политических и эпикурейских мотивов. В стихотворении "N.N." (1819) Пушкин обращается к товарищу, называя его "наслажденный властелином", "счастливым беззаконником", ленивцем, поклонником Вакха и Венеры, и вновь воссоздается образ дружного круга товарищей-эпикурейцев, наслаждающихся жизнью, но их разговоры резко меняются:

Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

Переплетением эпикурейских и политических мотивов наполнено послание “Всеволожскому” 1819 года. Поначалу образ друга создается по прежней модели — он “счастливцев сын пиров”, “обожатель забав и лени золотой”. Пушкин видит его в кругу друзей:

Кипит в бокале опененном
 Аи холодная струя;
 В густом дыму ленивых трубок,
 В халатах, новые друзья
 Шумят и пьют! — задорный кубок
 Обходит их безумный круг,
 И мчится в радостях Досуг (II, 102).

Но эпикуреизм лицейского Пушкина — это прежде всего спокойствие, наслаждение радостями жизни и невозмутимость, равнодушие ленивца-мудреца к окружающей его жизни. Теперь эпикурейское по форме послание наполняется гражданской темой критики светской жизни:

Ты там на шумных вечерах
 Увидишь важное Безделье,
 Жеманство в тонких кружевах
 И Глупость в золотых очках,
 И тяжелой Знатности веселье,
 И Скуку с картами в руках (II, 101).

Проникновение политических мотивов будет и дальше разрушать прежний идеал дружбы ленивцев-мудрецов. Дружба становится союзом приверженцев гражданских идей.

Такими многоплановыми путями шло формирование всего комплекса проблематики, связанной с темой дружбы в поэзии А.С.Пушкина. Жанр дружеского послания стал самой большой группой жанров, внутри которой формировалось романтическое содержание, окончательно проявившееся в период южной ссылки. О глубинной, собственно романтической семантике этого жанра убедительно сказано в книге Г.А.Лесскиса “Пушкинский путь в русской литературе”. Жанр дружеского послания — то “выражение духовной, нравственной связи “я” и “не-я”, одного лица с другим, необусловленной ни любовными, ни семейными, ни служебными интересами, связи, которая возможна только на каком-то достаточно высоком этапе развития личности”⁵. Этим этапом в творчестве Пушкина стал романтический, когда все стороны взаимоотношений личности и окружающего мира подчинены идеалу, в том числе и дружба.

В период южной ссылки начинается формирование романтического понимания дружбы, чему способствовали как собственно творческие, так и автобиографические обстоятельства. В поэзии

создается новое непосредственное пространство для лирических излияний: условность эпикурейского и карамзинистского типов мировоззрения сменяется условностью открытой экспрессии личных чувств и настроений поэта. В начале 20-х годов усиливается биографическая тональность пушкинских лирических текстов.

Тема дружбы развивается двояко. Пушкин оказался оторванным от прежних друзей — “арзамасцев”, членов “Зеленой лампы”, петербургских единомышленников. Темы посланий внешне остаются прежними; дружба как творческий союз развивается в посланиях Гнедичу, Дельвигу, Баратынскому, Катенину, а дружба как союз политических единомышленников в стихотворениях, адресованных Чаадаеву, Ф.Глинке, Я.Толстому.

По-новому Пушкин осмысливает свои отношения с Чаадаевым. Прежнее увлечение им усиливается, к преклонению перед его независимым образом мыслей и юношеской восторженностью, углубляется до чувства искренней и сердечной дружбы. В кишиневском дневнике поражает запись: “Получил письмо от Чаадаева. — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье. — Одно-го тебя может любить холодная душа моя. — Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали. — Мне надобно его видеть” (XII, 303). Очевидна романтическая сосредоточенность на идеальном, единственном объекте высокой дружбы. Чернильницу, “наперсницу” поэтических дум, чувств, мечтаний и надежд он завещает самому близкому человеку. Этим единственным избранником оказывается Чаадаев.

Чаадаев, друг мой милый,
Тебя возьмет унылый;
Последний будь привет
Любимцу прежних лет (II, 184).

Особенно глубоким, сильным, “монологически сосредоточенным” оказывается послание “Чаадаеву” 1821 года. Чаадаев назван единственным другом, от невозможности его увидеть страдает душа поэта: “Тебя недостает душе моей усталой”. Поэт забыл “тревоги прежних лет”, его уже не тревожат даже мысли о поэтическом успехе — “где слава для меня предмет заботы малой”. Единственное, чему невозможно найти замену, — это дружбе, могущей врачевать душу поэта:

Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменит единственного друга (II, 187, 188).

Чаадаев и единомышленник, и учитель, и наставник, но главное — друг, которому посвящены все чувства и мысли поэта. В

этом стихотворении Пушкин не только достигает самого высокого уровня романтического максимализма в выражении чувств, но что самое важное, абсолютизирует и идеализирует чувство дружбы. Дружба достигает идеальной формы:

О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный Судьбою,
И чувства — может быть спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней...
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь... (II, 188).

В стихотворении раскрывается типично романтическая ситуация — возвышенно горестные переживания в отсутствие самого близкого по духу человека. И биографически, и творчески Пушкин остро переживал сам факт разлуки с Чаадаевым:

Но Дружбы нет со мной. Печальный, вижу я
Лазурь чужих небес... (II, 188).

Этот мотив будет сквозным для многих стихотворений, посвященных лицейским годовщинам. Романтическая тоска по далекому, но душевно самому близкому кругу друзей наполняет настроение лирического “я” в стихотворении “19 октября”:

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую зажил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку... (II, 424).

Чувство дружбы в стихотворении “Чаадаеву” (1821) достигает высокой стадии — идеальной. Пушкин готов видеть в дружбе спасение, душевное пристанище от бурь и невзгод жизни. Культ дружбы как возвышенного братства людей, основанный на полной искренности между его членами, станет сквозным звеном, связывающим стихотворения, посвященные лицейским годовщинам.

Тема дружбы как защиты, утешения очень характерна и для периода южной ссылки. Особенностью ее раскрытия является тесное взаимодействие реального и вымышленного, мотивов, порожденных обстоятельствами жизни и мотивов, воспринятых из романтической традиции, прежде всего из поэзии Байрона.

В посвящении Н.Н.Раевскому-сыну к поэме “Кавказский пленник” этот комплекс романтических мотивов развернут наиболее ярко и последовательно:

Когда я погибал, безвинный, безотрадный,
И шопот клеветы внимал со всех сторон,

Когда кинжал измены хладный,
 Когда любви тяжелый сон
 Меня терзали и мертвили,
 Я близ тебя еще спокойство находил;
 Я сердцем отдыхал — друг друга мы любили:
 И бури надо мной свирепость утомили,
 Я в мирной пристани богов благословил (IV, 91).

На определенный момент “жертва клеветы” узнает скорбь, отчаивается, но находит все-таки утешение:

Я рано скорбь узнал, постигнут бых гоненьем;
 Я жертва клеветы и мстительных неведж;
 Но сердце укрепив свободой и терпеньем,
 Я ждал беспечно лучших дней;
 И счастье моих друзей
 Мне было сладким утешеньем (IV, 92).

С усилением байронической романтической традиции у Пушкина все сильнее заявляют о себе мотивы одиночества, уныния и грусти. Интересно отметить, что разочарование в друзьях, в прежних мечтах и даже в своей поэзии идут параллельно с развитием темы неверной дружбы. Если мотив невинности друзей имеет под собой жизненную основу, то разочарование, охлаждение идут по линии общеевропейской традиции. Утверждение поэта, что ему не жаль “неверных друзей” и что они забыты, неправомерно для ситуации 1820 года. Мотив измены открывает стихотворение 1821 года “Мой друг, забыты мной следы минувших лет...”:

Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
 Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
 Что я любил, что изменило мне... (II, 209).

Тема непрочности дружбы появляется в стихотворении “Гроб юноши” (1821), в котором союз друзей разрывается смертью безвозвратно:

... А он увял во цвете лет.
 И без него друзья пируют,
 Других уж полюбить успев (II, 210).

Пушкин здесь впервые опровергает свое прежнее представление о том, что смерть не страшна дружбе и что умерший продолжает жить в памяти друзей (“Мое завещание”, 1815). Романтический тезис о невозвратности мгновения начинает активно заявлять о себе в поэзии 20-х годов. С угасанием общих жизненных сил в душе поэта все настойчивей утверждается мысль об угасании главного — “огня поэзии”:

Душа, как прежде, каждый час
 Полна томительною думой —

Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек —
И скрылась от меня навеки
Богиня тихих песнопений ... (IV, 87)

В 1822 году Пушкин по-настоящему чувствует разочарование и охлаждение к жизни. Дань байронической традиции находит реальную почву в самой жизненной ситуации Пушкина. Разочарование в дружбе приобретает всеобъемлющие масштабы:

Один, один остался я.
Пиры, любовницы, друзья
Исчезли с легкими мечтами —
Померкла молодость моя
С ее неверными дарами.
Так свечи, в долгу ночь горев
Для резвых юношей и дев,
В конце безумных пирований
Бледнеют пред лучами дня (II, 259).

Важно заметить, что в период южной ссылки намечается новое, собственно романтическое толкование темы взаимодействия дружбы и любви: прежде противопоставляемые, они теперь встают чуть ли не в синонимический ряд. Таково послание “Ф.Н.Глинке” (1822):

Пускай мне дружба изменяла,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнании позабуду
Несправедливость их обид... (II, 273).

Для характеристики дружбы — в данном случае ее неверности — поэт использует сравнение с любовью, так как, по его мнению, неверность — качество, в большей степени, присущее любви. Противоположный ход — качества любви характеризуются через сравнение с качествами дружбы — обнаруживается в послании “Денису Давыдову” (1821). И в воспоминаниях о прежней жизни понятия дружбы и любви в стихотворении “В.Ф.Раевскому” (1822) ставятся в один ряд:

Но все прошло! — остыла в сердце кровь,
В их наготе я ныне вижу
И свет и жизнь и дружбу и любовь,
И мрачный опыт ненавижу (II, 265)

И дружба и любовь становятся принадлежностью исключительного духовного опыта романтического героя; они могут

уравняться по силе, интенсивности, значимости, могут и противопоставляться. Любые сопоставимые и несопоставимые предметы и явления духовной жизни становятся принадлежностью романтической души и только как таковые могут обладать определенным ценностным статусом.

Пушкинская система поэтических ценностей в 20-е годы, внутри которой дружба занимает одно из важнейших мест, уже не обладает внеличностными критериями, она органически связана с потребностями эмоциональной личности нового, романтического типа мероприятия

Романтическое по своей идеальной, гуманно-нравственной направленности дружеское послание Пушкина стало своеобразной “философией жизни”, когда доверительные отношения между частными лицами становятся той силой, которая противостоит официальной государственности. Романтик Пушкин порывает с теми формами общественных связей, которые его не удовлетворяют, подчеркивает, что дружба — это прежде всего духовный союз людей, и в этом отношении он неизменно глубже и значительней своих предшественников, касавшихся той же темы еще в XVIII веке (Н.А.Львов, В.В.Капнист, Ю.А.Нелединский-Мелецкий, И.И.Дмитриев). На смену “запрограммированной” чувствительности сентименталистов XVIII века приходит Романтическое Чувство, обогащенное в эмоциональном отношении переживаниями любви и творческого горения. Романтическая дружба у Пушкина — это эмоционально восторженная устремленность к идеалу прекрасного. Романтическому универсализму не нужны моралистические опоры для лирического “я”, он находит их в собственном внутреннем мире, поэтому достаточно его волевой установки заявить о себе — и любое переживание возводится в абсолют или низвергается в бездну.

Уникальность подобного мироотношения свойственна лишь XIX веку (вспомним дружеские кружки Герцена, Бакунина, Станкевича), в вершинных достижениях XVIII и XX веков — Ломоносов, Маяковский — тема дружбы не вызывает никакого энтузиазма.

¹ Руссо Ж.-Ж. Эмиль или О воспитании. Спб., 1913. С. 223.

² Цит. по кн.: Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Цицерон М.Т. Философские трактаты. М., 1983. С. 52 — 54.

⁵ Лескиис Г.А. Пушкинский путь в русской литературе. М., 1993. С. 149.

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1996

№ 8

Отделение литературы и языка Российской академии наук
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Международное общество культурных связей с Индией

Издается с 1993 года

К 200 - ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА Тематический номер

СОДЕРЖАНИЕ

Из пушкиноведческих разысканий

В.И.Кулешов. Духовный путь Пушкина (К пересмотру концепций).	3
А.А.Смирнов. Романтика дружбы в лирике Пушкина.	13
М.В.Строганов. О роли предания в исторических сочинениях А.С.Пушкина.	23
Д.П.Ивинский. "Медный всадник" Пушкина и "Отрывок" III части "Дядюв" Мицкевича	32
А.Б.Криницын. Пушкин и Жюль Жанен.	37
И.С.Кузнецов. Элегия Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных...".	49
Т.К.Батурова. Пушкин и альманах "Уrania".	56
Г.В.Зыкова. "Цыганы" и опера Вебера "Прецноза".	65

К "Евгению Онегину"

Ю.В.Стенник. Традиции Державина в "Евгении Онегине".	68
Н.Л.Дмитриева. Татьяна и Полина (Пушкин и Загоскин)	77
Г.В.Краснов. Соседи в поэтическом мире "Евгения Онегина".	85
В.А.Кошелев. Именник "Евгения Онегина" в функциональном аспекте.	91
Е.Я.Вольская. "Куплет Татьяне".	101
Е.А.Пономарева. О какой "грамматике" речь?	106
Н.И.Михайлова. "И учит азбуке детей".	111
А.В.Наумов. "Евгений Онегин" глазами криминалиста	114